

ЮРИЙ РЕРИХ: ЮНОШЕСКИЕ ЭССЕ

1920-1921

На страницах нашего журнала мы снова знакомим читателей с творчеством Юрия Николаевича Рериха (1902-1960). На этот раз публикуются юношеские эссе, написанные в эмиграции. Они посвящены трагическим событиям русской революции и последовавшей за ней гражданской войны. В то время Юрий Рерих вместе с родителями находился в Карелии, в Финляндии. Шестнадцатилетний юноша, можно сказать, ещё подросток (в дни Февральской революции ему было всего пятнадцать с половиной лет) глубоко переживал братоубийственную войну и оставил по-настоящему правдивые исторические свидетельства происходящего в России.

Большая часть эссе написана в Лондоне и Нью-Йорке в 1920 и 1921 годах. Юрий Рерих учился в Лондонском и Гарвардском университетах, и чтобы усовершенствовать свой английский язык, предпринял ежедневный труд — делал короткие записи о пережитом. Так накопилось значительное количество воспоминаний, своеобразные «листы дневника», в которых запечатлены важные для молодого человека события жизни. Наиболее интересными эссе, помимо военных, публикуемых на страницах журнала, являются его записки о персидской истории, о встречах с индийским поэтом Рабиндранатом Тагором. Здесь представлена лишь небольшая часть материала. Творческая натура Юрия Рериха ещё ждет своего раскрытия.

Несколько слов следует сказать о гражданской позиции Юрия Рериха. Симпатии юноши, как следует из его записей, очевидно на стороне Белой армии. Он стоит в оппозиции к большевикам. Понятно, что убеждения и жизненная позиция формируются под влиянием семьи. В 1919 году Н.К.Рерих состоял секретарём Комитета Скандинавского общества помощи Российскому воину в Гельсингфорсе, осуществлявшего финансовую поддержку войск генерала Юденича на северо-западе России. Будучи в Англии, художник входил в Комитет помощи беженцам, то есть фактически солдатам Белых армий. Видимо, этими обстоятельствами и объясняется стремление Юрия Рериха, сразу же по достижении совершеннолетия, вступить в Добровольческую армию и отправиться воевать с большевиками.

Публикуемые материалы редакция получила из архива музея Николая Рериха в Нью-Йорке, где они представлены в копиях. Оригиналы хранятся в мемориальной усадьбе Рерихов в Наггаре, в Индии.

Главный редактор

ЭССЕ

Мне часто чудится, что я дома, в далёкой России, в своём доме в Петрограде. То ли просто сила воображения рисует мне картины прошлого, то ли сам я по природе связан с Россией давно минувших дней. Я не могу этого объяснить. Порой мне кажется, что какая-то неведомая сила притягивает меня всё ближе и ближе к давним дням моей жизни.

Думаю, что подобное чувство хорошо знакомо всем русским, разбросанным по миру.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

Лишь сегодня мы понимаем подлинное значение Французской революции. Русская революция 1917 года ещё раз заставила нас вспомнить те условия, которые преобладали во Франции в течение длительного периода внутренних беспорядков. Русская революция, действительно, может служить иллюстрацией для изучения революционного периода во Франции. Горько вспоминать все эти прискорбные события, через которые прошёл каждый русский. Горьки эти воспоминания, ибо они заставляют со всей силой ощутить то политическое унижение, которое наша родина пережила за последние годы.

Я не собираюсь давать здесь полное описание хода революции в России. Эта задача слишком сложна. Страна слишком велика, и местные настроения столь разнообразны, что описание революции требует глубокого изучения предмета. Оценивать события в их исторической значимости для русского народа и для всего мира — задача, непосильная для современников. Французская революция была ограничена в своих устремлениях, русская революция воздействует на весь мир. Русские революционные вожди говорят больше о мировой революции, чем о революционизировании территорий Российской империи.

Я поставил перед собой задачу описать самую первую ночь Февральской революции 1917 года в Петрограде*, эту ужасную ночь, когда великая столица, покрытая темнотой холодной зимней ночи, была внезапно разбужена грохотом залпов и лязгом оружия на улицах. Броневики правили городом! Как известно, поводом для начала бунта стала нехватка хлеба в столице в течение последних нескольких дней. Уже вечером поползли слухи, что мятеж начался где-то за Невой. Казаки помчались туда, но ничего серьёзного не произошло. Улицы патрулировались военными отрядами императорской гвардии. Что-то очень тревожное было во всей обстановке. Огромные толпы шли по Невскому и Литейному проспектам. Военные отряды стояли на каждом углу. Главный мятеж начался около 11 вечера, когда толпа, при поддержке восставших войск, штурмовала Литовский замок и Мариинский дворец, резиденцию Императорского Государственного совета.

---

* В феврале 1917 г. Н.К.Рерих с сыном Юрием приезжал на короткое время из Сердобоя в Петроград по делам Школы Общества поощрения художеств, директором которой он состоял до 1918 г.

Наш дом был расположен совсем недалеко от военного министерства и Мариинского дворца*. В этом районе столицы произошёл большой ночной бой. Около двенадцати ночи меня разбудила ожесточённая стрельба броневиков на улице. Я поспешил к окну. В дрожащем свете уличного фонаря вдоль по улице бежали человеческие фигуры, стреляя время от времени в невидимого врага. Слышалась стрельба со стороны Мариинского дворца. Но всё это было покрыто ночной темнотой, и никто не знал, что происходит. Броневики продолжали свою трескучую стрельбу, и время от времени слышались залпы орудий в сторону Адмиралтейства.

Литовский замок был подожжён, и тёмное небо стало красным от сполохов мощного пламени. Багровое небо осветило произведённые разрушения. На улицах зажгли огромные костры, и архивные бумаги и мебель Мариинского дворца были сожжены. Всё громче и громче раздавались крики. Теперь было ясно, что началась революция. Красное небо, пыление костров и красные флаги царили повсюду в городе в ту ночь.

Той ночью никто не ложился. Все устало ждали следующего утра. Бои продолжались в течение всей ночи.

Наступило утро. На улицах царило уныние и стояла странная тишина, как будто ничего и не было ночью, и всё же общий вид города стал уже иным.

Всем пришлось сидеть дома, потому что средства сообщения оказались отрезаны. Были выпущены прокламации, и грузовики, полные вооружённых людей, появились на улицах. Ходили слухи, что ночью убили и замучили многих. Но не было никаких точных сведений. Вооружённые банды рыскали по домам в поисках оружия.

Революция была провозглашена, и потом пришло известие, что Император отрёкся от трона...

На холодном воздухе и пронизывающем утреннем ветру в суровом молчании стояли отряды солдат.

Раздавались слова приказов, и славные знамёна былых дней медленно склонялись. Империи пришёл конец...

БЕЛЫЕ ГРОБЫ

Во время большевистской революции, в 1918 году я находился на пустынных берегах Ладожского озера. Мы жили в Сердоболе, маленьком городке в восточной Карелии. Оттуда я наблюдал за борьбой с красными и переживал все трудности гражданской войны. Мы жили всего в 30 километрах от главной линии фронта, и все события на нём легли тяжким грузом на жителей нашего городка. Людские потери были огромными. Каждый день в ряды воинов призывались новые добровольцы, и каждый свободный дом использовался для размещения раненых солдат. Но посреди всего этого я помню несколько чудесных моментов среди лесов и скал Ладоги, во время моих частых экскурсий на снегоступах. Постоянный гул пушечной канонады не нарушал спокойствия природы. Казалось, что природе нет дела до человеческой войны...

---

* Квартира Рерихов находилась в Петрограде, в здании Школы Императорского Общества поощрения художеств на ул. Большая Морская, дом 38.

I

Было раннее утро. Заснеженные долины покрывал голубой туман. Окрестные горы, увенчанные сосновыми лесами, отбрасывали свои огромные синеватые тени на искрящиеся снега холмов. Кругом царил тишина...

За скалистой горой лежал маленький городок X. На его улицах можно было наблюдать необычное движение. Толпы людей спешили в направлении железнодорожной станции. По большой дороге, ведущей к станции, маршировали под свист горнов две группы ополченцев, с котелками и лопатами. Во главе первой группы шагал офицер в зелёной униформе. Солнце только взошло, и холодная сталь штывов сверкала в лучах утреннего солнца.

Здесь, на станции, два поезда были готовы отвезти этих людей на линию фронта. Маленькие красные вагоны с обычными надписями: «40 человек, 8 лошадей». Первые от паровоза три вагона были заполнены гробами. Ибо в наши дни людей посылают на поле битвы со своими гробами, и каждый может быть совершенно уверен, что, в случае, если его убьют, он получит «один из этих столь любезно предоставленных белых ящиков!»

Большая толпа заполнила всё пространство перед вокзалом. Повсюду можно было видеть военную форму самых разных видов. Здесь группа мужчин в зелёной форме с белыми крестами на рукавах обсуждала свежие новости. Там группа молодых парней весело болтала о чём-то, как будто ничего не происходит. Офицеры стремительно ходили туда и сюда.

Был разительный контраст между неестественной весёлостью отправляющихся мужчин и суровой тишиной толпы провожающих. Через ворота станции устремился бесконечный поток солдат, которые с криками и песнями заполняли вагоны поезда. Никто, казалось, не обращал внимания на скорбные вагоны у паровоза. Лишь один молодой солдат, согнувшийся под тяжестью обмундирования, бросил краткий взгляд на людей, грузивших белые гробы, и на лице его появилось выражение изумления. Но это длилось всего лишь мгновение, людской поток подхватил его и увлёк в вагоны.

В какой-то момент крики и движение прекратились. Люди заполнили вагоны. Сигнал к отправлению был подан, и поезд медленно тронулся.

Это было пасхальное воскресенье.

II

Подводы, покрытые брезентом, возы с сеном и соломой, санитарные кареты двигались по широкой, покрытой грязью дороге. Шёл сильный снег с дождём, и траншеи по обе стороны дороги были наполнены водой и снегом. Дул пронизывающий ветер, и над заледенелыми полями ползли серые облака. За этим потоком повозок и телег следовали длинные ряды солдат, а за ними — повозки с ружьями и пулемётами. Время от времени небольшие отряды конницы проносились мимо марширующих шеренг и скрывались за туманной вуалью горизонта.

Так силы ополченцев преследовали отступающего врага. Прошёл слух, что ночью был сильный бой между ополченцами и красными моряками где-то там, за завесой тумана. Некоторые даже утверждали, что они видели, как раненых и убитых

уносили с поля боя. Но никто не знал результатов. В полдень колонна остановилась возле сожжённой и опустошённой деревни, и пришло известие, что линия фронта уже недалеко. Никто не обратил никакого внимания на это сообщение, некоторые даже обрадовались, что длинный и утомительный переход закончен.

Дождь всё лил и лил, и люди дрожали от холода в сырых и протекающих палатках. Вечером был получен приказ занять позиции, и одна из групп зашагала прочь. Остальные ждали своей очереди. Теперь каждый, по-видимому, осознал, что он рядом с линией фронта. Утомительно тянулись минуты ожидания. Потом позвали ещё один отряд, и люди молча отправились в путь к неизвестному месту за туманной завесой, которая закрыла шеренги остающихся по обе стороны дороги.

Вдруг разразился шквальный пулемётный огонь и воздух наполнился долгим протяжным криком.

Что случилось?

В тумане на дороге показались фигуры, одни медленно ковыляли, другие как будто несли что-то. Это были раненые, которые возвращались назад.

Была предпринята атака на вражеские позиции, и врага вынудили обратиться вспять, но два отряда полегли под шквальным огнём.

В туманном вечернем воздухе несколько фигур копошились возле белого гроба, который так и остался, как призрак, на том же месте до самого утра, после чего начал своё путешествие обратно в город.

Сколько ещё там получают этих белых гробов?

III

Тёмный зимний вечер окутал город со всех сторон. Соборная колокольня скрылась в тёмно-синих сумерках вечернего неба. Стоял резкий холод, и пронизывающий морозный ветер поднимал и кружил снег на улицах. Перед домом, в котором расположился штаб армейского корпуса, группа людей читала прокламацию с призывом добровольцев. Она кончалась обычными словами: «Ты можешь не быть героем, но быть добровольцем — твой долг». Прокламация содержала краткий обзор сражения, которое бушевало уже два дня на протяжении всей линии фронта, когда всё новые отряды добровольцев с песнями и музыкой маршировали, чтобы сокрушить сопротивление врага. Это была победа, но победа, завоёванная принесением тысяч человеческих жизней в жертву на алтарь бога войны.

В прокламации ничего не говорилось о потерях добровольческих сил. В городе только ходили слухи, что потери тяжёлые. Чтобы прочесть и увидеть правдивый отчёт о сражении, нужно было пойти в бараки, куда складывали мёртвых.

Огромное, покрытое снегом поле. Длинные и тёмные бараки.

Мерцающий фонарь, висящий перед закрытой дверью. Часовой ходит вперёд под козырьком крыши барака. Вы подходите к нему и показываете разрешение на вход, полученное от штаба. Скрипит дверь, и вы входите в тёмную комнату, освещённую маленьким фонарём, висящим на одной из стен. Скорбное молчание царит в каждом закоулке здания. Вы зажигаете свой фонарь и оглядываетесь

Юрий Рерих. Георгий-победоносец, 1910-е. РГАЛИ

Н.К.Рерих. Пречистый град — врагам озлобление. 1919.
Вариант. Коллекция А.Левина, США

вот круг. По обеим сторонам барака лежат безжизненные человеческие тела, некоторые в гробах, иные — на снегу. Вы подходите к первому мёртвому. Лицо покрыто обрывком газеты, и вы не решаетесь поднять этот кусок бумаги и посмотреть, что под ним. Молча вы переходите к следующему. Это молодой человек, он улыбается, показывая полоску белых зубов.

Вы переходите от одного мёртвого к другому, пытаетесь понять, как и когда эти люди встретили смерть. Но мёртвые молчат, и никто из них не открывает своей тайны.

Вдруг скрипнула дверь, и в барак вошла группа мужчин и женщин. Это родственники погибших, пришедшие за своими отцами, братьями и сыновьями. Они подходят к каждому из мёртвых и пристально вглядываются в каждое лицо.

Довольно, довольно этого горестного зрелища!

Вы выходите оттуда, оставляя в темноте человеческие фигуры, склонившиеся на коленях перед мёртвыми. Вы снова на свежем вечернем зимнем воздухе. Мирно сияют звёзды на небе.

Как отличается этот покой природы от того покоя мёртвых!..

На следующее утро соборная площадь в городе была свидетельницей сцены грустной, но величественной в своей простоте. Сорок восемь похорон происходили одновременно. Грубые деревянные гробы, сделанные из неструганых досок, спешно сложили вместе, и собор с большим трудом смог предоставить для всех простые кресты из связанных сосновых веток и служителей для исполнения похоронного обряда. Огромная толпа собралась помолиться за души павших. Импровизированный хор затянул «вечную память», митра архиепископа медленно склонилась к земле, и с ним простёрлись ниц длинные ряды солдат и народа.

Гробы понесли, один поставили на орудийный лафет, остальные — на обычные сани. Скорбная процессия медленно тронулась с места, сопровождаемая плачем немногих родственников и друзей.

IV

Это были тревожные и тяжкие дни для жителей города.

Остаться в городе стало опасно, и многие стали покидать его.

Город на глазах превращался в военный лагерь. Повсюду люди в дорожном обмундировании, лошади, пушки, медицинские кареты. Линия фронта проходила лишь в нескольких милях отсюда, и вдали слышался грохот орудий. Те немногие из горожан, что оставались в городе, засыпали под треск пулемётов и громкий шум на улицах.

В 5 утра повсюду началась стрельба, казалось, что вражеские войска подошли вплотную и окружили город со всех сторон. Деревню за рекой подожгли, и в свете полыхающего пожара виднелись фигуры людей, бегущих и стреляющих. Кто-то сказал, что это уже солдаты врага, которые заняли леса по обе стороны реки. На улицах стали взрываться артиллерийские снаряды. Теперь только враг продолжал свою стрельбу, на позициях добровольцев было тихо, потому что последние десять тысяч патронов давно уже были отстреляны.

Собрался военный совет, на котором было решено оставить город. Улицы заполнили марширующие колонны пехоты, иногда в этот поток врзались артиллерийские лафеты. Войска собирались на большой площади перед собором. Пехота представляла собой невиданное зрелище. Она состояла почти исключительно из одних офицеров. Были там служилые полковники и даже генералы, и безусые кадеты, и другие юноши. Ружья, которые они несли, ставили всех их в равное положение. У ворот собора лежало несколько мешков с маленькими пакетами бинтов для оказания первой помощи, и каждый брал по одному — «ведь может пригодиться». Прозвенел приказ, все построились в шеренги и тронулись в путь, полный печали и лишения, по тёмным, заснеженным, пустынным дорогам — отправились без запасов продовольствия, боеприпасов, без обоза, арьергарда и санитарной службы, унося с собой своих раненых.

Многие из тех раненых, которые не могли сами покинуть поле сражения, погибли: они либо стреляли в себя, либо просили своих сослуживцев застрелить их, лишь бы не попасть в руки врагов живыми.

Рано утром в предрассветных сумерках виднелась фигура всадника, который объезжал войска на марше. Командир добровольцев, человек, всегда отважный и бдительный, вселял уверенность в каждого из своих людей. Эти превосходные люди не отличались блестящим обмундированием или оружием, ни даже какой-то особой военной выправкой; но в своей поношенной, разносортной одежде, покрытой слоем серой пыли, все они — командиры, офицеры, рядовые — горели тем осознанным военным духом, который горит и живёт только на полях войны.

Но городу не было суждено попасть в руки врага. Неожиданная помощь пришла к Добровольческим силам, когда они шли маршем в суровой тишине по заснеженной дороге, ведущей прочь из города.

Эту помощь представляли собой два полка кавалерии, которые прибыли для соединения со сражающимися войсками. Генерал ликовал, и раздавалось протяжное «Ура-а!»

Между тем, враг готовился к атаке, и первый отряд конницы въехал в город. Услышав радостные крики, вражеские всадники повернули назад и доложили, что добровольцы не собираются сдавать город. Но командование не поверило им и приказало пехоте идти вперёд.

Это стало смертельным ударом для вражеских сил, ибо, войдя в город, они тут же были разгромлены лихим налётом добровольческой кавалерии.

Превосходные всадники пронеслись по улицам, рубя врага шашками и сметая с улиц вражеские колонны. Часть Добровольческих войск были посажены на коней по двое и теперь атаковали бегущего врага примкнутыми штыками.

Победа была полной, победа, завоёванная мечом и копьём, как в сражениях славных дней Римской империи!

Помню, мой друг рассказывал, как один генерал спрашивал добровольца, который принимал участие в сорока восьми боях: «Сколько патронов ты использовал за всё это время?» — «Семь», — был его скромный ответ. Тот, кто видел сражения, знает, насколько собранным нужно быть, каким нужно проникнуться презрением к смерти, чтобы сражаться без единого крика, без единого выстрела.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ПРОЗВАЛИ «БОГОМ ВОЙНЫ»

Сегодня я расскажу историю человека, которого его солдаты прозвали «богом войны». Он уже обладал всероссийской известностью, когда произошла большевистская революция. Это был человек, который вёл свой полк в наступление на немецкие позиции с музыкой и развевающимися флагами, кто блестяще захватил турецкую крепость Муш после трёхдневного перехода по пустыне без всякого провианта. Во время революции он стал одним из лидеров Добровольческой армии. В те тяжкие дни он покрыл себя и своё подразделение бессмертной славой, ибо после его смерти одна из лучших добровольческих дивизий была названа в его честь. Я расскажу здесь о двух наиболее характерных его сражениях.

I

С раннего утра шёл сильный дождь. Затем ударил мороз и подул сильный ветер. Восемнадцать миль добровольцы должны были маршировать по колена в воде, по болотистой местности. Люди были покрыты льдом и едва могли передвигаться. Буря разразилась, когда войска достигли реки, раздувшейся от дождя и снега. Река отделяла добровольцев от вражеских сил, и её необходимо было пересечь. На какой-то момент заледеневшая колонна остановилась в нерешительности. Проливной дождь обрушил на людей потоки воды. Тогда генерал сел верхом и с криком «Вперёд! За мной!» устремился в реку. Добровольцы погрузились в реку вслед за ним, держа ружья высоко над головой. «Сыровато», — пошутил генерал, по грудь в воде, борясь с быстрым течением. Часть войск была верхом, и на другом берегу им пришлось выходить наполовину покрытыми льдом, потому что у них даже не было возможности спешиться.

Это сражение получило название «ледяной бой», когда люди, до пояса покрытые льдом, заняли позиции врага, который не ожидал нападения в такую погоду.

II

А вот ещё один бой, известный каждому в России. Имя предводителя добровольцев будет всегда связано с этим сражением, так как он практически в одиночку спас войска от гибели.

Войска, с обозом раненых, должны были пересечь железную дорогу, которая хорошо охранялась вражескими бронепоездами. В результате внезапной атаки была захвачена железнодорожная станция X, и армейский обоз начал пересекать пути. В этот самый момент зазвонил телефон. Генерал подошёл к аппарату. С соседней станции спрашивали: «Не появились ли добровольцы? Согласно полученным донесениям, они должны быть близко». Генерал ответил: «Никого не видно, всё спокойно». — «Всё равно, на всякий случай мы выслали вам бронепоезд», — сказал человек с соседней станции. Генерал приказал поместить на колею пушку, а снайперы заняли позиции по обе стороны от насыпи, и весь свет был потушен.

Вдали послышался гул движущегося поезда, и в темноте показались его огни. Генерал вышел вперёд на перекрёсток и, крикнув: «Тормози! Вагоны сойдут с рельс, товарищи!», заставил машиниста остановить паровоз. Затем генерал быстро ото-

шёл в сторону: прозвучал рапорт, и снаряд разорвался между колёс паровоза. Машинист попробовал дать обратный ход, но паровоз был серьёзно повреждён. Второй снаряд перевернул вагон бронепоезда. Противник открыл беспорядочную стрельбу из пулемётов, но добровольцы были за пределами зоны обстрела, у самых вагонов, и обрушили на солдат противника град ручных гранат. Враг бежал в панике, оставляя всё снаряжение и боеприпасы победителю. В ярком свете полыхающих вагонов длинный армейский обоз продолжал пересекать железнодорожные пути.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда я писал о боях в России во время революции, печальные образы моей родины подступили ко мне.

Оглядываясь на картины прошлого и на друзей, которые ушли навсегда, я ещё раз осознал, что произошло с великой Империей за эти последние четыре года! Я никогда не забуду одну картину, которая является символом мученичества России.

Песчаное побережье. В отдалении — пароход, готовый выйти в открытое море. Группа всадников, несясь во весь опор, выезжает на берег и внезапно останавливается в ужасе. Кто эти люди? Первый всадник — женщина, верхом на неоседланном коне и с ребёнком в руках. Ветер развеивает её кудри и треплет конские гривы. Остальные всадники — мужчины в покрытой пылью одежде. Несомненно, их путешествие было долгим и тяжёлым! Женщина поднимает ребёнка и бросает его в море. Почему она это делает? Эти мужчины — казаки, которые, не в силах отстоять свои деревни перед натиском красных полчищ, приехали издалека, чтобы искать спасения на французском пароходе. Но они приехали слишком поздно, пароход уже отплыл. Они были уверены, что успеют, но теперь у них нет никакого шанса. Завтра большевики найдут их здесь, убьют их и даже, возможно, подвергнут пыткам. Казачка решила не дать красным убить своего сына и бросила его в море. И группа стояла в молчании там, на пустынном берегу, пока пароход не скрылся за горизонтом...

* * *

Велико горе земли русской, велико её унижение, но всё же мы верим в её будущее, как верим в будущее всего мира.

И мы можем повторить слова генерала Деникина, нашего великого полководца: «Наступит день, когда чаша русского долготерпения переполнится и набат прозвучит над всей Россией, звеня негодованием и призывая к битве», и тогда все армии... соединят свои силы.

«Реки, большие и малые, все сольются в одном огромном русском море, и оно, бурное и могучее, сметёт всю ту мразь — доморощенную и заграничную — которая ныне водворилась на израненном, истерзанном теле нашей Родины».

*Перевод с английского языка
Егора Фалёва*